

Любимое и главное его дело — театральная режиссура. Однако множество зрителей узнало народного артиста Грузинской ССР Темура Чхеидзе благодаря кино: в фильме «Твой сын, земля» он сыграл главную роль. Зрители поверили его герою, секретарю сельского райкома партии Георгию Терели. Киноперсонаж стал современником и единомышленником не только исполнителя роли, но всех, кто видел фильм.

— Темура Нодарович, как удалось достичь такой достоверности?

— Просто я стремился естественно действовать в ситуациях, о которых идет речь в фильме. Поставил себя на место секретаря райкома. Поверил во все, что делает мой герой. Поэтому, наверное, и зрители ему так поверили. Получил от них около трех тысяч писем. Люди спрашивают о самом для них важном. Одному нужен совет в трудной житейской ситуации, другой просит о помощи, третий раскрывает душу. Понимаете, люди спрашивают у меня, как жить. Даже не ожидал такого отклика. Кстати, сначала не хотел сниматься: я ведь не актер. Убедил режиссер фильма, мой однофамилец Резо Чхеидзе. Правда, в годы учебы много играл. К тому же я и вырос в актерской семье, родители — артисты Грузинского театра имени Рушвели.

— Как формировался ваш режиссерский «почерк»?

— Уроками моих учителей — Дмитрия Алексидзе и Михаила Туманишвили. Профессии учился у них, остальному — у отца. Сказалось и влияние деда: он был врач, очень хороший, отлич-

«Отправляю этих мальчиков в самое пекло, а сам?!» И ушел на фронт добровольцем. Вот о таких людях мне хотелось рассказать в «Звездопадении». Это у меня единственный спектакль, где вообще нет отрицательных персонажей. Здесь герои — один лучше другого, добрее другого.

— Недавно в театре имени Марджанишвили состоялась премьера «Обвала» — инсценировки романа вашего земляка Михаила Джавахишвили. Но сначала вы поставили ее в Москве, во МХАТе. Чем вызвано новое обращение к этому произведению?

— Несколько изменилось мое отношение к главным героям. События, описанные в романе, происходили в Грузии шестьдесят лет назад. Но суть актуальна и в наши дни. Спектакль протестует против черствости и жестокости человеческой, против хамства. Подчеркиваю, против явления в целом, а не только против его конкретного носителя, бывшего управляющего усадьбой Джако Дживашвили. Почему Джако удается безнаказанно ограбить и унижить Теймураза Хевистави, растоптать его человеческое достоинство? Да потому, что сам Тей-

ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА

ТЕМУР ЧХЕИДЗЕ

чался необыкновенной точностью, доходящей до педантизма, не выносил неряшливости в работе. Мне это передалось. Оттого, наверное, не слишком доверчиво отношусь к слову «вдохновение». У Маяковского есть статья «Как делать стихи?» Заметьте: делать, а не ждать, когда тебя озарит. Чтобы найти, надо искать. Решение даже присниться может — у меня так случилось со спектаклем «Звездопадение». Вдруг ясно увидел во сне дом, а в нем — сплошь солдаты. И их никто, кроме меня, не замечает: люди занимаются своими мирными делами, говорят о чем-то, ссорятся, смеются. А солдаты находятся тут же и смотрят. И непонятно — живые они или неживые. Я проснулся с чувством удивления и понял: вот эмоциональный образ спектакля! Но ведь сколько до этого было передумано!

— «Звездопадением» открылись московские гастроли руководимого вами Грузинского драматического театра имени Котэ Марджанишвили. Этот спектакль посвящен 40-летию Победы, и речь в нем идет о войне. Что помогло так правдиво рассказать о тех событиях вам, человеку послевоенного поколения?

— Прежде всего прекрасная проза Отиа Иоселиани, положенная в основу спектакля. Автор пьесы старше меня, на войну пришлось его детство. У нас в Грузии не было ни боев, ни выстрелов, ни бомбежек. Но война все равно вошла в каждый дом, изменила людей нравственно, духовно. Иоселиани пишет о своей родине, маленькой грузинской деревне, из которой ушли на фронт двадцать четыре парня. И никто не вернулся. А это значит — деревня утратила свое будущее, свою надежду. Но поразительно, что и в столь трагической ситуации люди не согнулись, не озлобились. Напротив, стали даже лучше, чище, добрее, как те старики-крестьяне, герои нашего спектакля, в чей дом пришли похороны на трех сыновей. На репетициях я вспоминал еще рассказы моего деда. Он по возрасту уже не подпадал под мобилизацию. Но его попросили на собрании напутствовать уходящих на фронт молодых врачей. Он выступил, а по дороге домой все думал:

мураз собственной пассивностью, привычкой красноречивости, и при этом бездействовать, закрывать глаза на творящееся зло поощряет хамство. В грузинском спектакле я лишил этого человека его обаяния. А вот Джако сделал красавцем — зло, рядящееся в нарядную оболочку, выглядит еще страшнее и отвратительнее.

— Что ж, решение неожиданное. Но не более неожиданное, чем появление в поставленной вами недавно шекспировской трагедии белокожего Отелло...

— Да ведь беда Отелло не в том, что он черен. А в том, что самолюбие его этим ущемлено. Вот почему, когда Яго по капле вливает в его душу ревность, вся гармоничность Отелло летит вверх тормашками. Отелло — счастливчик: он любит, а умение так любить дается судьбой не каждому. И он же своими руками убивает любовь, совершает непоправимое зло. И в ярости становится еще хуже Яго. И только тогда на лицо актера ложится черный грим.

— Темура Нодарович, какие качества нужны режиссеру?

— Что до меня, то я просто живу театром и в театре. С каждой новой работой приходит ощущение, что ничего не знаешь и начинать все нужно заново. Я не могу ставить спектакль, если сам не «болею» теми проблемами, о которых хочу говорить. Наверное, я счастливый человек: занимаюсь делом, которое люблю. Однако не думаю, что счастье — это вечный праздник. Не приемлю утверждения некоторых коллег, что, мол, каждая репетиция — праздник. Репетиции дороги мне иным — они бывают трудны, мучительны, зато приносят радость познания. Что же касается качества... Человек должен с юмором относиться к себе. Только не нужно это путать с цинизмом. Цинизм убивает душу, а юмор лечит.

— Вы уже двадцать лет в театре. Изменилась ли за это время публика?

— Пожалуй, стала более информированной. Но информированность не означает духовность. Пробуждать духовное, нравственное начало в людях — это и есть цель театра и вообще искусства во все времена.

Беседу вела Т. ИСКАНЦЕВА.